

ЖАГАРИСТЫ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА¹

Павел Лавринец

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Вопрос о взаимных контактах польской литературной группы «Жагары» с русской литературной средой Вильнюса (далее, в соответствии с употреблявшейся в современной русской печати формой, – Вильно) закономерно возникает на пересечении двух исследовательских задач, связанных с реконструкцией, во-первых, реального контекста литературной жизни, в котором возникло и действовало одно из самых известных и значительных литературных объединений межвоенной Польши и, во-вторых, истории рецепции, в том числе иноязычной, творчества участников группы. Очевидно, русская литературная среда составляла достаточно значительный сегмент пестрого конгломерата различных национальных культур Вильно в период между двумя мировыми войнами. В межвоенное

двадцатилетие русских литераторов и польскую литературную среду связывали тесные и многообразные контакты. Поэтому вне пределов собственно польской литературы первые отклики на поэзию «последней виленской плеяды» (воспользуемся заглавием монографии о «Жагарах» польского литературоведа Станислава Береса²), первые в некотором роде международные оценки, первые опыты переводов и интерпретаций следовало бы искать, прежде всего, в виленском окружении и, в частности, в русской литературной среде.

Обосновать это положение призвана первая часть статьи, дающая краткое описание форм, аспектов и общего характера взаимодействия польских и русских литераторов в Вильно. Приводимые свидетельства взаимных контактов отдельных представителей русской литературной среды с жагаристами и примеры рецепции их поэзии при всей их немногочисленности (некоторым оправданием может быть слабая степень изученности архивных материалов и межвоенной русской периодики) симп-

¹ Первоначальная версия статьи была опубликована на польском языке в сборнике научных трудов, посвященном авангардистской литературной группе «Жагары»: Paweł Ławgunic, „*Żagary* i rosyjskie kręgi literackie w międzywojennym Wilnie”, z języka rosyjskiego przełożył Michał Kuryłowicz, *Żagary. Środowisko kulturowe grupy literackie*, pod redakcją Tadeusza Bujnickiego, Krzysztofa Biedrzyckiego, Jarosława Fazana, Kraków: TAIWPN Universitas, 2009 (Biblioteka Literatury Pogranicza. T. 18), s. 251-265.

² Stanisław Bereś, *Ostatnia wileńska plejada. Szkice o poezji kręgu Żagarów*, Warszawa: PEN, 1991.

томатичны, поскольку, как представляется, обнаруживают общие закономерности рецепции жагаристов русским литературным Вильно, вместе с тем обозначая вероятные направления дальнейших исследований.

Литературные вечера по пятницам, которые устраивались Литературно-артистической секцией Виленского русского общества (далее ЛАС; действовала с начала 1922 г.), а затем, с июля 1933 г., «литературные четверги», самым названием, вероятно, следовали польским «литературным средам»³. Этот образец был хорошо знаком местным русским литераторам не только в силу значительной роли, которую играли польские «среды» (1927–1939)⁴, но и потому, что члены ЛАС принимали в них участие (по меньшей мере, в некоторых из них). Виленские русские газеты информировали своих читателей о польских «литературных средах»: например, о лекции профессора Вацлава Ледницкого «Лев Толстой и Польша. Из истории толстовского национализма и христианства» в феврале 1935 г.⁵

³ Tadeusz Zienkiewicz, „Literaturno-artystyczna siekcyja i jej rola w zyciu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920–1939”, *Studia Rossica III: Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazologia i frazeografia*, Warszawa: Studia Rossica, 1996, s. 72; см. также: Paweł Ławryniec, „Rosyjskie życie literackie w międzywojennym Wilnie”, *Wilno literackie na styku kultur*, Kraków: Universitas, 2007 (Biblioteka Literatury Pogranicza. T. 15), s. 197–209.

⁴ О значении «литературных сред» см.: Tadeusz Vujnicki, *Szkice wileńskie. Rozprawy i eseje*, Kraków: Collegium Columbinum, 2002 (Biblioteka tradycji literackich. Nr XVI), s. 141–146.

⁵ «Лекция В. Ледницкого», *Наше время*, 1935, № 49 (1372) = *Русское слово*, № 49 (977), 28 февраля. Ежедневная газета под редакцией Г. А. Мацневского (в 1930–1932 гг.), затем С. М. Горячко (с октября

ЛАС устроила несколько совместных вечеров польских и русских литераторов. Например, на собрании ЛАС в январе 1933 г. при участии «представителей польского литературного мира» Тадеуш Лопалевский («известный польский поэт», как сказано в анонсах) читал свои переводы русских былин⁶. Одна из русских «литературных пятниц» в мае 1933 г. была посвящена виленским польским поэтам⁷. На этом вечере в помещении Виленского русского общества (далее ВРО) прозвучали стихи Владислава Арцимовича, Юзефа Баторовича, Яна Булгака, Стефана Вежинского, Ядвиги Вокульской (Пиотровичевой), Ежи Вышомирского, Витольда Гулевича, Ванды Добачевской-Недзялковской, Эугении Кобылинской-Масеевской, Тадеуша Лопалевского, Зыгмунта Фальковского, Валериана Харкевича, Чеслава Янковского в переводах опытного переводчика польской поэзии Д. Д. Бохана. На вечере одно из своих стихотворений про-

1932 до июля 1933 г.), позднее Ф. А. Котляревского *Наше время*, с конторами в Варшаве и, в отдельный период, также во Львове, но с главной редакцией в Вильно, где она и печаталась в типографии Е. А. Котляревского, и начавшая выходить позднее *Русское слово* – одна и та же газета, различающаяся лишь заглавием и тем, что *Наше время* распространялась с приложением в виде рижской газеты *Сегодня* (в действительности, скорее, *Наше время* была местным приложением к одной из крупнейших газет русского зарубежья).

⁶ См. анонсирующие заметки: «В литерат.-артистической секции Вил. Рус. О-ва», *Наше время*, 1933, № 14 (724) = *Русское слово*, № 14 (244), 18 января; «В литерат.-артистической секции Вил. Русск. О-ва», *Наше время*, № 15 (725) = *Русское слово*, № 15 (245), 19 января; отчет о вечере: «Вечер русских былин в Вильне», *Наше время*, № 21 (731) = *Русское слово*, № 21 (301), 26 января.

⁷ Анонс: «Вечер Лит.-Арт. секции ВРО», *Наше время*, 1933. № 111 (821) = *Русское слово*, № 111 (391), 12 мая.

читала В. Добачевская-Недзялковская, выступил председатель Союза польских писателей в Вильне В. Гулевич, от имени польских поэтов поблагодаривший организаторов за усилия в культурном сближении двух народов; присутствовало «много приглашенных гостей – польских литераторов – и представитель польского общества»⁸.

В марте 1935 г. состоялся очередной «четверг» ЛАС, посвященный Циприану Камилю Норвиду. На нем «председатель союза польских литераторов в Вильне», как его назвали в анонсе⁹, или «представитель союза польских литераторов в Вильне», как сказано в газетном отчете, доктор Владислав Арцимович прочитал на русском языке доклад о жизни и творчестве польского поэта; Д. Д. Бохан и поэт и публицист, участник русского Содружества поэтов С. И. Налянич¹⁰ читали стихотворения Норвида в переводе Бохана; профессор Университета Стефана Батория (далее УСБ) Станислав Цывинский «произнес экспромтом прекрасную речь», между прочим отметив, что «патриотизм Норвида не мешал ему порицать восстание 1863 г. и считать русских самым близким народом к народу польскому, а его католицизм не мешал его «вселенскому» христианству». В дискуссии при участии С. И. Налянич, русского жур-

налиста и участника ЛАС Г. А. Мациевского, автора стихов, рассказов и статей на темы русской философии С. Д. Бохан-Савинковой обсуждались вопросы «темноты» Норвида и новейших представителей «поэтического авангарда», отношения «авангарда» к Норvidу и Словацкому¹¹. Можно полагать, что Арцимович, «известный литературный критик и выдающийся знаток знаменитого польского поэта» (так его назвал побывавший в Вильно варшавский корреспондент популярной и влиятельной рижской газеты *Сегодня* в своей статье, посвященной, в частности, и этому вечеру¹²), в своем докладе представил положения своей работы „Poeta ciemny Syprian Kamil Norwid – próba analizy konfliktu poety z krytyką”, за которую он и получил в 1938 г. степень магистра¹³. Тот же Арцимович в ноябре 1936 г. на очередном вечере секции в помещении ВРО выступил с докладом на польском языке «Чистка литературоведения» о положениях книги *Wstęp do badań utworów literackich* (1936) профессора УСБ Манфреда Кридля¹⁴, известного,

⁸ См. отчет: «Литературная пятница», *Наше время*, 1933, № 117 (827) = *Русское слово*, № 117 (397), 19 мая.

⁹ «Лекция о К. Норвиде», *Наше время*, 1935, № 54 (1337) = *Русское слово*, № 54 (982), 6 марта.

¹⁰ Об этом объединении и роли С. И. Налянич см. подробнее: Павел Лавринцев, «К истории Виленского содружества поэтов», *Literatūra. Mokslo darbai. Rusistica Vilnensis*, 2002, 44 (2), с. 63-76.

¹¹ «Вечер Киприана Норвида в Вильне», *Наше время*, 1935, № 58 (1381) = *Русское слово*, № 54 (986), 10 марта.

¹² Н. Волковыский, «О миллионах злых, запряженных в кубышки, улице Мицкевича, месте, где разыгрался литературный скандал и любви к русским, через Пушкина, а не через Победоносцева», *Сегодня*, 1935, № 102, 12 апреля. Текст доступен в интернете: *Балтийский архив*, http://www.russianresources.lt/archive/Wolk/Wolk_1.html.

¹³ Teresa Dalecka, *Dzieje polonistyki wileńskiej 1919–1939*, Kraków: Towarzystwo naukowe Societas Vistulana, 2003, s. 185.

¹⁴ См. анонсы: «Литературный четверг», *Наше время*, 1936, № 269 (1898), 17 ноября; № 271 (1900), 19 ноября; «В Лит.-Арт. Секции», *Новая искра*, 1936, № 218, 13 ноября; Б., «О реформе литературной критики (К сегодняшнему литературному вечеру)», *Новая искра*, 1936, № 225, 19 ноября.

между прочим, и своими симпатиями к молодежи левых взглядов, в том числе и круга жагаристов¹⁵. Арцимович, как известно, был учеником профессора Станислава Пигоня, по окончании УСБ стал преподавателем средних школ и учительской семинарии в Вильно; в студенческие годы он вместе с будущим жагаристом Теодором Буйницким был одним из основателей Секции оригинального творчества при Кружке полонистов УСБ и одним из авторов первого сборника секции (*STO. Poezje*, 1928), затем коллективного сборника *Z pod arkad* (1929)¹⁶.

Весной 1938 г. на «четверге» ЛАС профессор Юзеф Вежинский читал доклад на польском языке о творчестве художника Фердинанда Рушица¹⁷. В конце того же года состоялся «четверг», посвященный памяти Станислава Выспянского. На нем с докладом на польском языке выступал директор драматического театра Леопольд Побуг-Келяновский и читались стихи А. Г. Тычинского, участника виленского русского Содружества поэтов, навеянные пьесой Выспянского *Освобождение*¹⁸. Помимо

того, на русских литературных четвергах 1934 г. обсуждалась поэзия виленской польской поэтессы Я. Вокульской (Пиотровичевой), а в 1938 г. – драма Ярослава Ивашкевича *Маскарад*¹⁹.

В связи с 50-летием деятельности профессора Мариана Здеховского ВРО в феврале 1933 г. устроило юбилейное чествование, на котором было «немало и представителей польского литературного и ученого мира»²⁰. На торжественном заседании, посвященном 25-летию смерти Толстого, организованном в ноябре 1935 г. ЛАС ВРО совместно со всеми русскими общественными организациями Вильно и при участии культурных организаций иных национальностей, выступали Арцимович и Здеховский²¹. Полтора года спустя Здеховский участвовал в торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Пушкина (1937). В вечерах русских литераторов принимали участие также профессор Стефан Сребрный, Казимир Заводзинский, Конрад Гурский, доцент Станислав Цывинский²².

С другой стороны, виленские русские литераторы участвовали в польских «литературных средах», в особеннос-

¹⁵ О полемике, вызванной книгой Кридля, см.: Teresa Dalecka, *Dzieje polonistyki wileńskiej 1919–1939*, s. 96–99; о деятельности Кридля в Вильно и его влиянии см.: Tadeusz Bujnicki, *Szkice wileńskie*, s. 262–282.

¹⁶ Teresa Dalecka, *Dzieje polonistyki wileńskiej 1919–1939*, s. 56, 145, 176–178; о роли Секции оригинального творчества в возникновении «Жагаров» см.: Tadeusz Bujnicki, *Szkice wileńskie*, s. 132–139; Teresa Dalecka, „Żagaryści na Uniwersytecie Stefana Batoryego”, *Żagary. Środowisko kulturowe grupy literackie*, s. 58–63.

¹⁷ См. анонс: «“Четверг” Лит.-арт. секции ВРО», *Наше время*, 1938, № 74 (2316) = *Русское слово*, № 74 (1887), 31 марта.

¹⁸ «Вечер памяти Выспянского в Вил. Рус. О-ве», *Наше время*, 1938, № 233 (2475) = *Русское слово*, № 287 (2100), 9 декабря.

¹⁹ Tadeusz Zienkiewicz, „*Literaturno-artystyczna siekcyja i jej rola w życiu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920–1939*”, s. 75.

²⁰ «Чествование проф. М. Здеховского», *Наше время*, 1933, № 45 (755) = *Русское слово*, № 45 (325), 23 февраля.

²¹ «“День русской культуры” в Вильне», *Наше время*, 1935, № 273 (1596) = *Русское слово*, № 273 (1165), 20 ноября; К., «“День русской культуры” в Вильне. Чествование памяти Л. Н. Толстого», *Наше время*, 1935, № 276 (1599) = *Русское слово*, № 276 (1168), 23 ноября.

²² Tadeusz Zienkiewicz, „*Literaturno-artystyczna siekcyja i jej rola w życiu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920–1939*”, s. 74–75.

ти, если обсуждавшиеся на них темы касались русской литературы. Так, в феврале 1933 г. «литературная среда» была посвящена переводам польской поэзии на русский язык. На ней Бохан читал доклад на польском языке (загрунув и творчество «новейших польских поэтов»), а актеры городских театров декламировали стихотворения и фрагменты переводов Бохана из А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красинского, М. Конопницкой, С. Выспянского²³. В октябре того же года состоялась закрытая «литературная среда» с дискуссией о переводах литературных произведений. Бохан, оказавшийся среди «специально приглашенных лиц», недоумевал, почему отнюдь не «секретную» тему нельзя было обсуждать публично, и поместил в газете короткий отчет. Из него явствует, что в дискуссии участвовали поэты Витольд Гулевич, Чеслав Милош, Тадеуш Лопалевский, историк искусства и знаток прошлого Вильно Ежи Орда, известный специалист по классической филологии профессор Стефан Сребрный, композитор и музыкальный педагог Тадеуш Шелиговский. При этом Бохану пришлось спорить с жагаристом Милошем «и другими представителями польского “литературного молодняка”»: он «никак не мог согласиться с тезисом, по которому переводчик может “исправлять” автора и даже... не знать языка, с которого переводит». Ссылаясь на

²³ Анонс: «Литературная среда», *Наше время*, 1933, № 25 (735) = *Русское слово*, № 25 (305), 31 января; отчет: «Вечер польско-русского единения (Русская “среда” в союзе польских писателей)», *Наше время*, 1933, № 34 (744) = *Русское слово*, № 34 (314), 10 февраля; см. также: Jagoda Hernik-Spalińska, *Wileńskie Środy Literackie (1927–1939)*, Warszawa: Wydawnictwo Instytut Badań Literackich, 1998, s. 189-190.

переводы греческих трагиков Яна Каспровича и Д. С. Мережковского, переводы *Евгения Онегина* Лео Бельмонта, *Медного всадника* и *Слова о полку Игореве* Юлиана Тувима, русских былин Тадеуша Лопалевского, Бохан доказывал необходимость основательного знания языка переводимого произведения и благоговейного отношения к каждому слову переводимого оригинала²⁴.

В среду 13 марта 1935 г. в помещении Союза польских литераторов в Вильне состоялся доклад Бохана на польском языке о русской эмигрантской литературе²⁵. В докладе и последовавшем обсуждении речь шла о творчестве Марка Алданова, И. А. Бунина, П. Н. Краснова, В. А. Мамченко, Д. С. Мережковского, Марины Цветаевой, а также о Евреинове, Набокове, Осоргине, Ходасевиче; прозвучали стихи Агнивцева, Ахматовой, Есенина, Ладинского. Участвовали в дискуссии профессора филологии Стефан Сребрный и Конрад Гурский, недавний выпускник УСБ языковед русист Анатолий Миревич, не раз уже упоминавшийся Арцимович, а также С. Д. Бохан-Савинкова и С. Г. Поволоцкий, журналист и деятельный участник вечеров ЛАС²⁶. Тот же «русский моло-

²⁴ «Литературная жизнь в Вильне», *Наше время*, 1933, № 257 (967) = *Русское слово*, № 257 (527), 31 октября.

²⁵ Анонсы: «Вечер Киприана Норвида в Вильне», *Наше время*, 1935, № 58 (1381) = *Русское слово*, № 58 (986), 10 марта; «Литературная среда», *Наше время*, 1935, № 59 (1382) = *Русское слово*, № 59 (987), 12 марта; отчет: «Русский вечер у польских литераторов», *Наше время*, 1935, № 66 (1389) = *Русское слово*, № 66 (958), 20 марта.

²⁶ Tadeusz Zienkiewicz, „*Literaturno-artystyczna siekcyja i jej rola w zyciu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920–1939*”, s. 75; Jagoda Hernik-Spalińska, *Wileńskie Środy Literackie (1927–1939)*, s. 239.

дой литератор» Сергей Поволоцкий, по свидетельству Волковьского, читал доклад о Владимире Маяковском и Борисе Пастернаке в Кружке полонистов УСБ, где жагарист Ежи Путрамент выступал с докладом, посвященным Есенину²⁷.

Немаловажным представляется то обстоятельство, что многие участники русской литературной жизни учились и работали в УСБ и других учреждениях вместе с польскими учеными, писателями, поэтами. Например, дочери Бохана с пражским дипломом, который не признавался в Польше, пришлось поступить вольнослушателем в УСБ и готовить под руководством слависта профессора Эрвина Кошмидера диссертацию о лексических изменениях в древнечешском языке; одновременно она работала секретарем редакции бюллетеня *Balticoslavica* Научно-исследовательского института Восточной Европы, секретарем которого в 1931 г. был жагарист Теодор Буйницкий²⁸. В. С. Байкин, поэт и член ЛАС ВРО, был лектором русского языка и древнерусской литературы в УСБ, помещал рецензии на публикации о русских писателях в бюллетене *Balticoslavica* и был автором статьи о Пушкине в журнале *Środy Literackie* (1937, nr. 7), сотрудниками которого, как известно, были Арцимович, Милош, Буйницкий (который стал и его редактором, начиная с номера 5)²⁹.

²⁷ Н. Волковьский, «О миллионах злотых, запрятанных в кубышки, улице Мицкевича, месте, где разыгрался литературный скандал и любви к русским, через Пушкина, а не через Победоносцева».

²⁸ *Wileńska encyklopedia 1939–2005*, opracował Mięczysław Jackiewicz, Warszawa: Ex libris Galeria Polskiej Książki Sp. Z o. o., 2007, s. 71.

²⁹ Подробнее об этом издании см.: Tadeusz Bujnicki, *Szkice wileńskie*, s. 187–201.

Бохан, один из руководителей ЛАС, публиковал в виленских русских газетах многочисленные обзоры польской литературы и печати и переводил польских поэтов, в том числе и современных виленских. Среди прочего он перевел поэму *Достоевский* Станислава Бжозовского и писал о ней в газете *Наша жизнь* в 1930 г.; в газете *Виленское утро* в январе 1922 г. были опубликованы его переводы стихотворений Чеслава Янковского. В мае 1933 г. на упомянутом специальном литературном вечере были представлены его переводы произведений В. Арцимовича, В. Гулевича, Т. Лопалевского и других виленских польских поэтов (всего более сорока стихотворений четырнадцати авторов) в исполнении композитора К. М. Галковского, артистов И. И. Поплавского, Ю. Л. Ивиной, К. М. Антонец, Н. А. Ярмолевич и других³⁰. Эти переводы публиковались: например, в редактируемой Боханом газете *Новая искра* в апреле 1935 г. были напечатаны его стихотворения В. Харкевича, Э. Кобылинской-Масеевской, В. Недзялковской-Добачевской. Статью о переводах Боханом польской поэзии на русский язык С. Цывинский поместил в третьем номере квартальника *Środy Literackie* (1936)³¹; она вышла также отдельным оттиском³².

³⁰ Анонсы: «Вечер Лит.-Арт. секции ВРО», *Наше время*, 1933, № 111 (821) = *Русское слово*, № 111 (391), 12 мая; отчет: «Литературная пятница», *Наше время*, 1933, № 117 (827) = *Русское слово*, 117 (397), 19 мая.

³¹ Stanisław Cywiński, „O przekładach D. D. Bochana poezji polskiej na język rosyjski”, *Środy Literackie*, 1936, nr 3, s. 18–28.

³² Stanisław Cywiński, *O przekładach D. D. Bochana*

В таком контексте представляется закономерной большая статья Бохана «Новейшая польская поэзия», опубликованная в газете *Наше время* (*Русское слово*) в феврале 1934 г. и содержащая в себе, в частности, оценки поэзии Теодора Буйницкого и переводы его стихов³³. Русский критик и переводчик солидаризовался с мнением Вацлава Роговича об отсутствии в новой польской поэзии преемственности, о разрыве традиции и принципиальном отличии творчества молодых поэтов не только от «великих классиков польской поэзии» Мицкевича, Словацкого и Красинского, но и от «последних больших поэтов, почти наших современников» Асныка, Конопницкой, Каспровича. Важнейшей чертой новой поэзии Бохан, вслед за польскими критиками, считал, помимо отказа «от прежних патриотических и мессианских мотивов», широкое использование ассонансов вместо рифм и «почти полный отказ от описаний с заменой их нагромождением иногда весьма странных образов». Ассонансы «как нечто сознательно новое» ввел в польскую поэзию, по словам Бохана, Ивашкевич, за которым последовали Галушка, Бжостовский, Тувим и другие. Ассонансы оказывались более приемлемыми, чем «нагромождение образов»:

---

na poezji polskiej na język rosyjski (Odbitka ze „Środy Literackiej” Nr 3 1936 r.), Wilno: Pogoń, 1936. Современную характеристику переводческой деятельности Бохана см.: Tadeusz Zienkiewicz. „Dorofej Bochan – tłumacz literatury polskiej na język polski i krytyk”, *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe*, Olsztyn, 1994, s. 127-134.

³³ Д. Д. Бохан, «Новейшая польская поэзия», *Наше время*, 1934, № 46 (1064) = *Русское слово*, № 46 (634), 25 февраля.

Можно, конечно, спорить, что лучше: классические рифмы Мицкевича, Асныка, Конопницкой, или ассонансы: *rzędem – jarzębin* (Ивашкевич), *orkiestrze – przestrzeń* (Тувим), *blasków – laską* (Ижиковский) – но это во всяком случае нечто новое, если не *лучшее*, то – *иное*... Труднее согласиться с излишним нагромождением образов, которые не всегда можно сразу понять, так что стихотворение принимает характер ребуса, который читатель должен разгадывать.

Для понимания суждений Бохана необходимо отметить, что он, как и другие деятели зарубежной русской литературной жизни, считал своим долгом поддерживать традиции классической русской литературы и негативно относился к модернистским исканиям, которые к тому же ассоциировались с большевистским социальным экспериментом в России. Себя он называл «убежденным пушкинианцем», которому «трудно находить красоты и наслаждаться произведениями поэтов новейших школ»³⁴, и отказывался считать поэзией «ту “заумную” ерунду, которую оптом создают парижские и пражские “знаменитые” стихописатели» (имелись в виду русские поэты авангардистской ориентации). Если Блок или Брюсов, по его словам, «отходили от канонов Пушкина», то «тайна красоты “Двенадцати” Блока еще никем не разгадана, а у Брюсова – лучшее именно то, где он возвращается к Пушкину»³⁵. Согласно его системе ценностей, чем меньше от современных «измов» и отступлений от

---

³⁴ Д. Д. Бохан, «Новая поэзия – и “темные” стихи», *Наше время*, 1933, № 136 (846) = *Русское слово*, № 136 (416), 11 июня.

³⁵ Д. Д. Бохан, «Стихи Георгия Соргогина», *Новая искра*, 1937, № 1 (265), 1 января.

традиционных метрических схем и способов рифмовки, тем лучше³⁶. Поэтому среди представленных четырнадцати польских поэтов на обсуждавшейся выше русской «литературной пятнице» отсутствовали жагаристы: Бохан отметил «неприемлемость новейшей виленской польской поэзии, соединяющей “левизну в поэзии” с “левизною в политике”»³⁷. Согласно отчету об этом вечере жагариста Юзефа Маслинского в газете *Kurjer Wileński*, Бохан в объяснение своего отбора указал, что в русской поэзии есть поэты «правые» по содержанию, но «левые» по форме, а в польской поэзии радикализму формы соответствует радикализм содержания. Он назвал представителей такой поэзии – талантливых и интересных, но мало приемлемых Буйницкого, Милоша, Загурского³⁸.

По той же причине Бохан в большой статье о первом номере журнала *Środy Literackie* назвал прекрасными стихотворения Владислава Арцимовича и Тадеуша Лопалевского, но публикация стихотворения «представителя “авангарда” – в 70 строк, без единого знака препинания, с двумя точками, т. е. состоящее из двух фраз» (речь идет о стихотворении Юзефа Маслинского „Prędzej strzelać!”), вызвала упреки в

«странном подборе произведений» и рекомендации редактору журнала Тадеушу Лопалевскому. По словам рецензента, стихотворение следовало снабдить «надлежащим комментарием», поясняющим, «имеет ли оно смысл, и если – да, то что собственно означает» и как его надо читать. Оригинальными и понятными критик назвал стихотворения жагаристов Александра Рымкевича, Ежи Путрамента и Ежи Загурского и продолжил:

Вот относительно «Молитвы за край, называемый Польшею» Т. Буйницкого – читатель остается в недоумении: это – стихи или «нарочно»? Всерьез пишет поэт или издевается над читателем? Можно, конечно, молиться за все, но вот за что, между прочим, молится Т. Буйницкий:

Za Kusocińskiego i Walasiewiczównę³⁹,
Za profesorów, którzy mają POS,
Za miasta: Nowogródek, Tarnopol i
Równe,
Za tężyżnę i Trzeci Most...

Непонятно: почему за третий мост в Варшаве, а не за автобусы в Вильне и не за железную дорогу Новогрудок – Новоельня? Почему за Ровно – а не за Мейшаголу или Здолбунов? На это даже у Шершеневича не найдешь ответа...⁴⁰

Попутно необходимо отметить, что Бохан к числу интересных материалов первого номера журнала отнес, наряду со статьей В. Добачевской и очерком Э. Кобылинской-Масеевской, статью

³⁶ Подробнее см.: Павел Лавринец, «“Пушкинианство” Дорофея Бохана», *Пушкинский сборник. К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина*, sud. ir ats. red. J. Kostin, Vilnius: BMK leidykla, 1999, с. 143-150.

³⁷ «Литературная пятница», *Наше время*, 1933, № 117 (827) = *Русское слово*, 117 (397), 19 мая.

³⁸ См.: Tomasz Śmigieński, *Między Wilnem a Łódzią. Życie i twórczość Jerzego Wyszomirskiego (1897–1955)*, Wysokie Mazowieckie: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im. Wągów, 2006, s. 198.

³⁹ Януш Кусоциньский – польский легкоатлет, олимпийский чемпион 1932 г., **Станислава Валясевичувна** – американская легкоатлетка польского происхождения, олимпийская чемпионка 1932 г.

⁴⁰ Д. Д. Бохан, «Литературные среды. (Журнал союза польских литераторов в Вильне)», *Наше время*, 1935, № 110 (1433) = *Русское слово*, № 110 (1002), 12 мая.

жагариста Юзефа Маслинского об истории поэтической группы «Жагары»⁴¹. Надо полагать, что и остальные номера квартальника, со стихами, отрывками поэм, переводами, статьями поэтов из круга «Жагаров» Теодора Буйницкого, Яна Гущи, Ежи Загурского, Чеслава Милоша, Ежи Путрамента, Александра Рымкевича были знакомы Бохану, тем более что в третьем номере была помещена упомянутая статья Цывинского о переводах Бохана.

Тем веселее, на фоне в целом негативного отношения к литературному новаторству и неодобрительной оценки «Молитвы за край, называемый Польшею», представляется заключительная часть статьи Бохана 1934 г. о новейшей польской поэзии с достаточно подробной и одобрительной характеристикой творчества Буйницкого как одного из самых молодых польских поэтов. По словам Бохана, поэт «не вполне еще отошел от старого понимания поэзии, но по формам принадлежит к “новейшим”, широко используя и причудливые образы, и ассонансы». Доказательством служило стихотворение «Элегия» („Wiatr zwięwa śnieg z ugońw...“) из сборника *Ощупью* (*Poomacku*, 1933) в собственном переводе автора статьи, отметившего, что по форме с характерными образами и ассонансами и по двойному смыслу (реальный путь и путь жизни) оно вполне отвечает теории новейшей поэзии:

С горы свевает ветер снег.

Снег этот очи засыпает.

Вдоль полотна – кровавый след.

Идущий кровью истекает.

Путь. И все трупы на пути.
Идет вперед. Приговоренный.
А телефонные столбы –
То плачи виселиц и стоны.

Но тот же поэт, продолжает Бохан, «в превосходном с точки зрения старой поэтической школы» стихотворении «Молитва к Божией Матери», оказывается по содержанию и по форме «ближе к старой школе, чем к “новой” поэзии, и вероятно, коллеги автора по “группе”, к которой он принадлежит, его не очень одобряют». Своей формой «Молитва к Божией Матери», впрочем, напомнила автору статьи «причудливую ритмику» *Двенадцати* Блока и, помимо того, вызвала в памяти «дивные» *Гимны* Каспровича; примечательно, что они действительно входили в круг чтения Буйницкого в 1928–1929 гг.⁴² Эти сообщения подкреплялись переводом двух последних строф стихотворения из той же первой книги стихов Буйницкого:

Непорочная Дева, ты знаешь, как страстно
хочу я
Верить в Бога и Сына, и слова познать его
власть;
Знаешь Ты, почему все срываюсь со сна и
зову я
Милосердного Бога – пред Которым боюсь
я упасть.
Ах, зачем так легко мне не верить в легенду
спасенья,
И зачем в моем сердце все яды ужасные эти?
О, Прибежище слабых и страждущих всех
Утешенье –
Я к стопам Твоим, змия поправшим,
Припадаю с мольбою о свете.

Но «совсем по-новому», по словам Бохана, звучит стихотворение «Маяковский». Если в поэме *Достоевский*

⁴¹ Józef Maśliński, „Ewolucje awangardy”, *Środy Literackie*, 1935, nr 1, s. 18-23.

⁴² Tadeusz Bujnicki, *Szkice wileńskie*, s. 205.

Бжозовский «как бы перевоплотился в великого русского писателя», то нечто подобное критик обнаруживает и у Буйницкого. В свою статью Бохан включил полный перевод стихотворения:

Мы,
    матросы безумных
        и пьяных судов,
Броненосцев,
    не знавших
        пощады;
Приключений
    мы ждем,
        как ловцы жемчугов,
Те рабы
    из старинной
        баллады.
Мы
    застыли на вахте,
        на реях висим,
Заглядевшись
    на месяц
        в надежде;
К Дульцинеям
    наивным
        любовь мы храним
Любим пурпур
    в лохмотьях –
        как прежде.
Кочегары миров,
    где котлы
        все кипят,
Вам – чья сила
    в плечах
        необъятна;
Вам, зовущим
    с плакатов,
        с трибун и эстрад,
Вам,
    что проданы
        тысячекратно.
Вам,
    идушим вперед,
        под прицел батарей
Через
    улицу
        на баррикады;

Чьи слова
    все бумаги
        жгут силой своей,
Страшной силой,
    что жжет
        без пощады;
Вам,
    что в бездну упали
        со ста этажей,
Вам, сгоревшим
    в устной
        горячке.
Долг вам жизнью,
    что брошено нами,
        как мячик,
Долг вам жизнью
    мы плотим
        своей.

В конце статьи Бохан выразил убеждение, которое в этом случае оправдалось:

Трудно пророчить, что может дать польской поэзии Т. Буйницкий в будущем, как нельзя было угадать позднейшего В. Брюсова в его однострочной «поэме»: «О, закрой свои бледные ноги», но едва ли можно сомневаться, что талантливый поэт найдет свой путь.

Таким образом, жагаристов и русских литераторов связывала богатая и разнообразная литературная и культурная жизнь межвоенного Вильно, совместное участие в литературных вечерах и собраниях. Первые оценки поэзии участников группы на русском языке, первые ее русские переводы появились в виленской русской печати. Творчеству современных польских авторов Вильно в русской литературной среде уделялось внимание если не большее, то ничуть не меньшее, чем классической польской литературе или современной польской поэзии и прозе Варшавы и

Кракова. У жагаристов же, при интересе к русской поэзии от Пушкина и Лермонтова до Ахматовой, Гумилева, Есенина и Маяковского, особого внимания к местной русской литературной продукции обнаружить не удается. Эта своеобразная асимметричность рецепции объяснима качеством продукции и провинциальным статусом виленских русских поэтов; она корреспондирует с принципиальным неприятием жагаристами «регионализма» и установкой на универсальные ценности. Господствовавшая в зарубежной русской литературе консервативная установка предпола-

гала сохранение традиции, прерванной на родине, и увязывала литературное новаторство с разрушительными социальными экспериментами. Соответственно между техникой стиха жагаристов и русских виленских поэтов, избегавших отступлений от традиционных стихотворных размеров и экспериментов в рифме, мало общего. Однако в образной структуре и элементах катастрофизма в стихотворениях виленских поэтов, в частности, Александра Тычинского, могут быть выявлены черты, сближающие их с творчеством жагаристов. Но разработка этой темы – задача будущих исследований.

ŽAGARAI IR RUSŲ LITERATŪRINĖ APLINKA

Pavel Lavrinec

S a n t r a u k a

„Paskutinės Vilniaus plejados“, lenkų poetų grupės „Žagary“ narių (Teodor Bujnicki, Józef Maśliński, Czesław Miłosz, Jerzy Putrament, Aleksander Rymkiewicz, Jerzy Zagórski ir kiti) kūrybos pirmieji vertinimai kitakalbėje spaudoje ir vertimai į kitą kalbą pasirodė Vilniaus rusų periodikoje. Straipsnyje nagrinėjami žagarų ir rusų literatūrų kontaktai literatūrinio gyvenimo kontekste bei rekonstruojamos bendros lenkų ir rusų literatūrų sąveikos sąlygos. Lenkų poetai ir Stepono Batoro Universiteto mokslininkai dalyvavo Vilniaus rusų literatūrų renginiuose, rusų literatai skaitė pranešimus ir dalyvavo diskusijose lenkų literatūrų vakaruose. Rusų literatūrinio gyvenimo dalyviai studijavo ar dėstė Stepono Batoro Universiteto, dirbo Vilniaus įstaigose, bendradarbiavo Vilniaus lenkų ir rusų periodinėje spaudoje kartu su savo lenkų kolegomis. Vienam iš rusų literatūrinio gyvenimo vadovų, produktyviam lenkų poezijos vertėjui, kritikui ir publicistui Dorofėjui Bochanui teko 1933 m. lenkų „literatūriniame trečiadienyje“ diskutuoti su Miłoszu ir kitais lenkų literatūrinio jaunimo atstovais meninio

vertimo klausimais. Tas pats Bochanas skyrė daug dėmesio Bujnickio kūrybai dideliame straipsnyje apie naujausią lenkų poeziją, pateikdamas jo eilėraščių vertimus ir pastebėdamas Aleksandro Bloko ir Vladimiro Majakovskio įtaką (1934). Bochanas iškritikavo Bujnickio ir Maślińskio eilėraščius, bet teigiamai atsiliepė apie Rymkiewicziaus, Putramento, Zagórskio kūrinį, išspausdintą pirmajame žurnalo *Środy Literackie* numeryje (1935). Apskritai žagarų kūryba buvo gerai žinoma Vilniaus rusų literatams, tačiau ne visai priimtina tiek dėl avangardinės formos, tiek dėl kairuoliško turinio. Kita vertus, žagarai domėjosi rusų poezija nuo Puškino ir Lermontovo iki Achmatovos, Gumiliovo ir Jesenino, tačiau didesnio dėmesio Vilniaus rusų poetų kūrybai nerodė. Ši asimetrija paaiškinama tuo, kad vietinėje rusų poezijoje dominavo konservatyvia poetinė technika; be to, rusų vilniečių literatūrinė produkcija buvo suvokiama kaip provinciali ir periferinė, o jos ignoravimą implikavo principinis žagarų universalistinė nuostata ir vadina- mo „regionalizmo“ neigimas.

Получено: 2010, август

Принято: 2010, сентябрь

Adres autora:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: pavel.lavrinec@flf.vu.lt